

- В его письмах с 1847 года уже нет прежнего высокомерного тона проповедничества и назидания; он увидел, что описывать русскую жизнь можно только посреди неё и изучая её. Убежищем его осталось религиозное чувство: он решил, что не может продолжать работы, не исполнив давнишнего намерения поклониться [Святому Гробу](#). В конце 1847 года он переехал в [Неаполь](#) и в начале [1848 года](#) отплыл в [Палестину](#), откуда через [Константинополь](#) и [Одессу](#) вернулся окончательно в Россию.
- Пребывание в [Иерусалиме](#) не произвело того действия, которого он ожидал. «Ещё никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима, — говорит он. — У Гроба Господня я был как будто затем, чтобы там на месте почувствовать, как много во мне холода сердечного, как много себялюбия и самолюбия».